

РАЗДЕЛ 1. ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В МЕТАМОРФОЗАХ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ

Акопов Г.В.¹

Пространство и время как интенциональность сознания и персистенция памяти в корпусе лирических произведений Пушкина, Лермонтова, Байрона²

Аннотация. Интенциональность как одна из категорий, определяющих сознание, рассматривается в отнесенности к поэтическому сознанию. Ранее, на материале лирических произведений, сопоставлены структурные составляющие поэтических пространств Пушкина, Лермонтова и Байрона; выявлены индивидуальные особенности выдающихся поэтов в хронотопическом и темпоральном измерениях. Эти, полученные ранее, особенности подтверждены в интенциональной дефиниции сознания, отнесённой к соответствующим собраниям лирической поэзии. Также показана персистенция поэтической памяти поэтов в темпоральной образующей поэтического сознания.

Ключевые слова: сознание, интенциональность, поэтическое сознание, поэтическое пространство, время, ментальность, Пушкин, Лермонтов, Байрон, сравнительный анализ.

Akopov G. V.

Space and time as the intentionality of consciousness and memory persistence in the body of lyrical works by Pushkin, Lermontov, Byron

Abstract. Intentionality, as one of the categories that determine consciousness, is considered in relation to poetic consciousness. Earlier, on the material of lyric works, the structural components of the poetic spaces of Pushkin, Lermontov and Byron were compared; revealed the individual characteristics of outstanding poets in chronotopic and

---

¹ **Акопов Гарник Владимирович**, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии Самарского государственного социально-педагогического университета (Самара)

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-013-00816 «Многомерность сознания как проблема современной психологии: типологизация подходов и конструирование системы категориальных пространств».

temporal dimensions. These previously obtained features are confirmed in the intentional definition of consciousness, referred to the corresponding collections of lyric poetry. The persistence of the poetic memory of poets in the temporal form of poetic consciousness is also shown.

Keywords: consciousness, intentionality, poetic consciousness; poetic space, time, mentality; Pushkin, Lermontov, Byron; comparative analysis.

Сознание – одно из самых загадочных явлений, исследуемых как философией, так и современной наукой. Лексический статус слова «сознание» варьируется между термином, понятием и категорией. В первом случае подразумевается словарное общеупотребительное значение, отражающее определённые психологические проявления повседневной жизни человека. Понятие «сознание» достаточно полно оформляется в философии и психологии, а также автономно и близко к терминологическому значению в медицине, юриспруденции, экономической науке, политологии, искусствознании и в других науках. В последние десятилетия такие новые направления, как нейронаука, когнитивная наука, наука сознания, не только выводят понятие «сознание» на первый план исследовательских задач, но и в ряде случаев придают ему главенствующий, категориальный статус. На наш взгляд, о категориальном статусе сознания можно говорить, если существует, используется или конструируется соответствующая теория, концепция или исследовательский подход, оформляющий сознание в качестве основополагающего понятия. В отечественной психологии постсоветского периода к релевантным работам в этом отношении можно отнести исследовательские проекты (в порядке хронологии) В.П. Зинченко, В.Ф. Петренко, В.М. Аллахвердова, Г.В. Акопова, А.Ю. Агафонова, А.В. Карпова и др. [1-7; 8; 10-11; 13]. Определённая систематизация той или иной постановки и соответствующих решений проблемы сознания в работах выше-названных авторов проведена в недавних публикациях [6-7]. Ранее на философском уровне в отношении зарубежных исследований сознания систематический анализ осуществлён в работе Т. Honderich [14]. В частности, как пишет автор, для первоначального прояснения обычного сознания анализируются различные попытки сущностного определения сознания; фиксируются следующие доминирующие идеи: а) «квалия» (qualia), т. е. сенсорное сознание; б) «то, что похоже на то, что оно есть»; в) субъективность, феноменальность и интенциональность [4].

Из пяти перечисленных направлений дефиниции сознания, на наш взгляд, к пригодной для практических изысканий, т. е. операционализации, близка категория интенциональности, входящая к давней работе Ф. Brentano («Психология с эмпирических позиций»), на которую и ссылается Т. Honderich. При той сущностной недостаточности интенционального определения сознания, которая отмечается автором (как и в отношении других определений), она даёт возможность конкретного использования.

Рассмотрим в качестве иллюстрации особенности поэтического (художественного) сознания трех выдающихся поэтов, живших и творивших в достаточно близком историческом времени (Дж.Г. Байрон, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов).

Поэтическое сознание, определяемое как «поэтическая интенция», согласно Brentano и Honderich, характеризуется направленностью личности на «объекты» поэзии, а также содержание этой направленности [14].

Ранее в нашей работе на основе содержательно-смыслового анализа всего корпуса лирических стихотворений Пушкина было предложено условное понятие поэтического пространства, объединяющего отражение в поэтической лирике реального физического, социального и ментального (духовного) субпространств, а также темпоральных проекций лирики жизни поэта в историческом (контекст) времени, социальном и биографическом времени. Поэтическое пространство в лирике Пушкина (со своими центрами местонахождения) представляется как: 1) некий Мир с особым, поэтическим порядком вещей – пушкинская пустыня («пустынный уголок», «приют спокойствия, трудов и вдохновенья»); 2) система социальных отношений с приоритетом свободы; 3) ментальный внутренний мир с установкой самопознания, самопостижения [6].

В поэтическом времени Пушкина, как в исторической и социальной, так и в биографической составляющих, персистентно (постоянно) представлена (эксплицируемая памятью) локализованная (точечно сфокусированная) в своём многостороннем содержании глобальность внешнего и внутреннего мира. Главным «инструментом» поэтического познания, переживания и действия в авторском художественном сознании при этом выступает созерцательная лень («мудрец ленивый», «под сенью лени неизвестной», «посох томной лени», «счастливой лени верный сын», «моей свободной лени» и др.).

Иной (иные) объект и содержание интенциональной направленности поэтического сознания М.Ю. Лермонтова. Ранее нами отмечалась «раздвоенность физического субпространства поэтического пространства Лермонтова (корпус лирических произведений как раннего, так и последующих периодов творчества поэта), концептуальная конфликтность двух топосов (Мироз) – «Земля» и «Небо», сохраняемая на протяжении всей жизни Лермонтова [7].

Таким образом, в поэтическом пространстве Лермонтова мы не обнаруживаем явного и постоянного предпочтения того или иного места, создающего наилучшие условия для поэтического творчества. Однако это не означает оторванности, изолированности, несвязанности творческого начала поэтической жизни Лермонтова с жизнью земной. Для Пушкина, как мы определили ранее, наличие такого места («Пушкинская пустыня») в реальном плане или хотя бы в представлениях было необходимым условием творчества, а в качестве достаточного дополнения выступало специфическое состояние «Пушкинской лени».

У Лермонтова отсутствие аналогичного пушкинскому физического места в поэтическом пространстве замещалось внутренне (духовно, психологически) конструируемым небесно-космическим фантомом, вполне земным, дополняющим условием поэтического творчества, к которому выступал реальный либо представляемый мир звуков.

Социальное субпространство поэтического пространства Лермонтова также двойственно и внутренне конфликтно. Так же, как и физическое субпространство поэтического пространства (Земля – Небо), социальное субпространство Лермонтова внутренне (субъективно) отчуждено, антагонистично. Можно предположить, что эмоционально предпочтительный образ, определяющий центральное место, место самого поэта в социальном пространстве, выражен в метафоре колокола (место «Над»), звуки которого «Как весть кончины иль бессмертья глас – ... /Он возвещает миру все, но сам – /Сам чужд всему, земле и небесам» («Когда в утро зимнее... », 1831).

Антисоциальность (внесоциальность) Лермонтова определялась тем духовным миром (пространством), который он создал. В этом пространстве нет места другим: «Я тем живу, что смерть другим: /Живу – как неба властелин – /В прекрасном мире – но один («Пусть я кого-нибудь люблю... », 1831).

Поэт сознательно не избирает определенного, желательного или приемлемого для себя социального места, а предпочитает территорию «внеаходимости»: «Я меж людей беспечный странник, /Для мира и небес чужой...» («Я не для ангелов и рай...», 1831). В этом смысле для Лермонтова, в отличие от Пушкина, нет проблемы свободы, т.к. нет ограничений в лирически созданном им поэтическом мире.

Структуру поэтического времени в лирике Лермонтова, как и Пушкина, можно рассматривать в трех составляющих: историческое, социальное и биографическое время. Конструкция исторической составляющей поэтического времени, представленного в лирике Лермонтова, определяется совокупным анализом таких произведений, как «Жалобы турка», «30 июля. (Париж) 1830 года», «Умиравший гладиатор», «Бородино» и др. Как и в пространственно-поэтическом измерении, так и в поэтико-временном измерении автор не обнаруживает какой-либо эмоциональной «привязанности» во времени: «Гляжу назад – прошедшее ужасно; /Гляжу вперед – там нет души родной» («К ***», 1830); «Гляжу на будущность с боязнью, /Гляжу на прошлое с тоской...» (1837–1838 гг.).

Такое вневременное состояние характеризует не только историческое, но и социальное и биографическое время поэта: «Печально я гляжу на наше поколенье! /Его грядущее – иль пусто, иль темно...» («Дума», 1838 г.); «Я схоронил навек бывшее, /И нет о будущем забот...» («Слова разлуки повторяя...», 1832 г.); «Мое грядущее в тумане, /Бывшее полно мук и зла...» (1841 г.). Вневременность поэтических состояний Лермонтова можно объяснить нарушением хронологических рамок социальной истории лермонтовского поколения, а также индивидуального развития поэта, что метафорически неоднократно выражено автором в образе «плода, до времени созревшего».

Поэтический поиск Лермонтова неизменно концентрировался в попытках вырваться из плена противостояния жизни и смерти и конкретных проявлений их противоборства: любовь – ненависть, слава – пренебрежение, действие – покой, свобода – заключение, толпа – одиночество, родина – изгнание, память – забвение, миг – вечность и др. Ментальный мир Лермонтова весь соткан из поэтических антиномий; опыт их преодоления и составляет, на наш взгляд, образующие духовного мира поэта, образующие его поэтического Я.

Зададимся вопросом: может ли единый, целостный, острый, пронизательный разум сохранять единство, будучи постоянно обуреваем непримиримыми противоречиями и не локализуясь (не находя себе места) ни в пространстве (природном, социальном, ментальном), ни во времени (прошлое, настоящее, будущее), ни в духовном мире (призвание, назначение, Я-концепция)? Анализируя творчество поэта, можно заключить, что, как и Пушкин, Лермонтов определил то особое, характерное именно для него поэтическое состояние, в котором наиболее полно выразился и поэтический поиск, и удивительно тонкое уравнивание неразрешимых (ни в земном, ни в небесных измерениях) противоречий. Если у Пушкина это специфическое состояние лени, то у Лермонтова – не менее специфическое состояние созерцательного сна, имманентное творчеству поэта как необходимое и достаточное условие на протяжении всей его жизни: «Поет, забывшись в райском сне...» («Поэт», 1828 г.); «В уме своем я создал мир иной...» («Русская мелодия», 1829 г.); «Забываю вечность, небо, землю, самого себя» («Звуки», 1830 г.); «Я верю, обещаю верить, Хоть сам того не испытал... /Что... жизнь поболее, чем сон!...» («Исповедь», 1831 г.); «Мы пьем из чаши бытия с закрытыми очами...» («Чаша жизни») и др. Как отмечает известный специалист в области духовных учений Востока, «творческую стихию такого рода нефиксированной, необъективирующей рефлексивности, свободной разверстости в неведомое даосы называли забытьем... Древние даосские мыслители сравнивали жизнь со сном... как «средой» творческого обновления, предполагающего... необыкновенную чуткость духа... Во сне наш разум не властен над нами, и мы целиком отдаемся потоку перемен, не спрашивая о причинах вещей, не задумываясь над целями. Вот почему происходящее во сне кажется нам даже более реальным, чем явь» [12, с.5-38].

Известно какое сильное влияние оказали творчество и личность Байрона на умонастроение, духовный поиск и даже стиль жизни европейских стран, включая Россию. Сравнение лирического наследия Пушкина и Лермонтова в хромотопическом и ментальном аспекте позволило выявить существенные различия психологического плана в их лирико-поэтическом творчестве.

Романтизм, одним из основателей которого и является Байрон, не замечает или вовсе игнорирует «опасность своеволия, эгоистического произвола», того «предела, за которым воля

перестает быть нравственной. И тогда она страшна. Пагубна для каждого, кто пленился иллюзией безграничной, бесконтрольной свободы» [9, с.70]. Как отмечает А.М. Зверев, для героев Байрона «священна лишь безграничная свобода личности, которая считает себя... стоящей выше общества, а тем самым и наделенной правом переступить через его нормы» [9, с.89].

Однако свобода у Байрона не вполне «бесконтрольна»; она регулируется той правдой, «в основе которой лежат высокие нравственные принципы», и «нет на земле ничего достойнее этой правды» (Байрон). По убеждению Байрона, «нет выше поэзии, чем поэзия, проникнутая этическим пафосом» (Байрон). «Высоконравственная поэзия, или... дидактическая поэзия, имеющая своим предметом просвещение и улучшение человека» для Байрона – «высший род поэзии» (Байрон).

Таким образом, в Байроне мы находим соединение внутренней хронотопической и духовной целостности и гармонии, ярко выраженной также у Пушкина, и топологической и временной вневходимости во внешних проявлениях духа, что мы также находим у Лермонтова.

В одном из ранних стихотворений, которое, на наш взгляд, можно считать программным у Байрона, прочитывается символическое воплощение упоминавшихся составляющих лирической поэзии юного автора (пространство, время и духовный мир). Пока еще контурно, не во всей полноте, но весьма провиденциально выстраиваются в ряд и физическое подпространство поэтического пространства («Ньюстед! Ветрами пронизана замка ограда, Разрушеньем объята обитель отцов»), и социальное подпространство («Тени предков! Потомок прощается с вами»), и духовное подпространство («Вспоминать вашу доблесть он будет всегда»... «гордая слава отцов», «Вашей храбрости, предки, он будет достоин, /В сердце память о ваших делах сохранит»). Чувственно откликаясь на «прошлого зов» и одновременно прощаясь с детством, юный Байрон достаточно отчетливо определяется в социальном и личностном времени («Он, как вы, будет жить и погибнет, как воин, и посмертная слава его осенит»).

Можно предположить, что в актуальном времени, в языке или с помощью языка, в том числе поэтического, может быть выражено все содержание сознания человека, будь то языковое оформление текущих жизненных явлений, или амплификация языка новыми жизненными явлениями, либо их переосмыслением,

деконструкцией, реконструкцией и т.д. Однако поэтико-языковое проникновение в будущее как, впрочем, и в прошлое, представляется не мистикой и не игрой (Хёйзинга), а упорной работой сознания-созерцания, отчасти дополняемого физической, социальной и духовной деятельностью человека и общества. В этом контексте ясно, почему Байрон становится более понятным после Пушкина и Лермонтова, а также место, временной пророческий диапазон и духовное богатство каждого из поэтов.

Таким образом, категория интенциональности как выражение сущностной характеристики сознания в её проекции в сферу поэтического сознания (в пространственно-временном и ментальном измерениях) позволяет выявить мнемическую персистенцию поэтической направленности и её содержания на материале лирических произведений трёх выдающихся поэтов. Определены персистентные для каждого из поэтов хронотопические лирико-поэтические интенциональные ориентации (локализованность в физическом, социальном и духовном субпространствах; в историческом, социальном и биографическом времени). В одном поэтическом «мироздании» – это точечная интенциональная локализованность поэтического сознания с устойчиво воспроизводимой активацией творческого состояния созерцательной лени (А.С. Пушкин); в другом – бинарность оппозиционных топосов в сочетании с состоянием созерцательного сна (М.Ю. Лермонтов); в третьем – рассредоточенная в хронотопическом пространстве поэтического сознания интенциональность в совокупности с персистенцией состояния созерцательной активации, периодически трансцендирующей в живую реальность (Дж.Г. Байрон).

Возвращаясь к затронутым в начале нашей статьи ключевым категориям, определяющим те или иные существенные стороны сознания (квалиа, субъективность, феноменальность и др.) [14], можно заключить, что для явлений поэтического сознания, с точки зрения продуктивного анализа, категория интенциональности, несомненно, является эффективным «навигационным» инструментом релевантных исследований. Такое заключение не отменяет необходимости и возможности использования иных категорий, в частности, весьма популярной в зарубежной Науке сознания категории «квалиа». Интерпретация этой категории связана, главным образом, с перцептивной сферой (те или иные перцептивные образы как проявления сознания [14].

Приведенное рассуждение, в эмпирическом плане, дополняет известную констатацию о многомерности сознания [13] и необходимости типологизации подходов в постановках и решениях проблемы сознания [1], как и прикладных задач в сфере сознания.

Источники и литература

1. Агафонов, А.Ю. Когнитивная психомеханика сознания / А.Ю. Агафонов. – Самара: Бахрах-М, 2007.
2. Акопов, Г.В. Психология сознания: вопросы методологии, теории и прикладных исследований / Г.В. Акопов. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
3. Акопов, Г.В. А.С. Пушкин: три измерения гения // Акопов Г.В. Сознание и время: апология ментальности и поэтического сознания. – Изд. 2-е испр. и доп. – Самара: Изд-во «ВЕК#21», 2013. – С. 64-82.
4. Акопов, Г.В. Неизмеримость гения: пространство, время и духовный мир в поэзии М.Ю. Лермонтова // Акопов Г.В. Сознание и время: апология ментальности и поэтического сознания. – Изд. 2-е испр. и доп. – Самара: Изд-во «ВЕК#21», 2013. – С. 83-100.
5. Акопов, Г.В. Поэтический камертон времени: пространство, время и ментальный мир в поэзии Дж.Г. Байрона // Акопов Г.В. Сознание и время: апология ментальности и поэтического сознания. – Изд. 2-е испр. и доп. – Самара: Изд-во «ВЕК#21», 2013. – С. 101-108.
6. Акопов, Г.В. Типология проблем в новом познании сознания / Г.В. Акопов // Мир психологии: науч.-метод. журн. – 2016. – №2 (86), апр.–июнь. – С. 178-191.
7. Акопов, Г.В. Многомерность как фактор поликонцептуальности сознания versus системная целостность сознания / Г.В. Акопов // Мир психологии. – 2018. – № 2 (94). – С. 21-29.
8. Аллахвердов, В.М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания / В.М. Аллахвердов. – Санкт-Петербург: Речь, 2003.
9. Зверев, А.М. Звезды падучей пламень: жизнь и поэзия Байрона / А.М. Зверев. – Москва, 1988.
10. Зинченко, В.П. Сознание и творческий акт / В.П. Зинченко. – Москва: Изд-во «Языки славянских культур», 2010.
11. Карпов, А.В. Психология сознания: метасистемный подход / А.В. Карпов. – Москва, 2011.
12. Малявин, В.В. Язык сердца: афоризм и китайская традиция / В.В. Малявин // Афоризмы Старого Китая. – Москва, 1988. – С. 5–38.
13. Петренко, В.Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма / В.Ф. Петренко. – Москва: Новый хронограф, 2010.
14. Honderich, T. Actual Consciousness / T. Honderich. – UK, OXFORD: University Press, 2014.